

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.3>

Дуйшембиева Ажар Нурдиновна

ТВОРЧЕСТВО Ч. АЙТМАТОВА В ОЦЕНКЕ Н. ШНАЙДМАНА

Объектом внимания автора являются труды канадского литературоведа Н. Шнайдемана, посвященные творчеству Чингиза Айтматова, - две статьи и две монографии, в которых ученый представил свои научные суждения относительно повести "Прощай, Гюльсары!", романов "И дольше века длится день", "Плаха", а также незаконченных произведений писателя. Проанализированные в статье работы Шнайдемана ранее не изучались. Мнения, высказанные в работах исследователя, в той или иной степени схожи с мнениями советских, а позже кыргызстанских критиков, однако некоторые из них значительно отличаются. По мнению Шнайдемана, причину успеха Ч. Айтматова в Советском Союзе можно объяснить тем, что писатель раскрыл на местном материале универсальные проблемы, а также советскую правду, имевшую отношение ко многим советским нациям.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 1. С. 17-20. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

CH. AITMATOV'S STORY "FAREWELL, GULSARY!" IN THE ASSESSMENT OF THE AMERICAN LITERARY CRITICS S. SOUCEK, A. QUALIN AND SH. D. GRAHAM**Duishembieva Azhar Nurdinovna***National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek
Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek
ajarnurdin@gmail.com*

The article reveals the perception of Chingiz Aitmatov's story "Farewell, Gulsary!" by the American literary critics S. Soucek, A. Qualin and Sh. D. Graham. S. Soucek is sure that the Kyrgyz writer's works will be enthusiastically greeted by the readers tired of stereotyped characters and plots. A. Qualin sees Ch. Aitmatov's task in the protection of his people's culture from various internal problems of the state. Sh. D. Graham notes that the method of realism, used by Aitmatov in his work, differs from the realism of the XIX century. The works close in the thematic aspect with the specified subject were written twenty years ago, and it should be noted that they could not get out of Soviet ideology influence. The author analyzes the American literary critics' works, which have not been considered earlier.

Key words and phrases: Ch. Aitmatov; S. Soucek; A. Qualin; Sh. D. Graham; American criticism; Soviet literature; socialist realism.

УДК 8; 18:82

Дата поступления рукописи: 23.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-8-1.3>

Объектом внимания автора являются труды канадского литературоведа Н. Шнайдемана, посвященные творчеству Чингиза Айтматова, – две статьи и две монографии, в которых ученый представил свои научные суждения относительно повести «Прощай, Гультары!», романов «И дольше века длится день», «Плаха», а также незаконченных произведений писателя. Проанализированные в статье работы Шнайдемана ранее не изучались. Мнения, высказанные в работах исследователя, в той или иной степени схожи с мнениями советских, а позже кыргызстанских критиков, однако некоторые из них значительно отличаются. По мнению Шнайдемана, причину успеха Ч. Айтматова в Советском Союзе можно объяснить тем, что писатель раскрыл на местном материале универсальные проблемы, а также советскую правду, имеющую отношение ко многим советским нациям.

Ключевые слова и фразы: Ч. Айтматов; Н. Шнайдеман; советская литература; миф; реальность; рецепция.

Дуйшембиева Ажар Нурдиновна*Национальная академия наук Кыргызской Республики, г. Бишкек
Кыргызско-Турецкий университет «Манас», г. Бишкек
ajarnurdin@gmail.com***ТВОРЧЕСТВО Ч. АЙТМАТОВА В ОЦЕНКЕ Н. ШНАЙДЕМАНА**

Творчество Чингиза Айтматова вызывает интерес народов всего мира, в том числе и англоязычных читателей. До сегодняшнего дня в англоязычных литературных журналах опубликовано множество статей, посвященных научному исследованию творчества писателя. О восприятии произведений Ч. Айтматова простыми читателями и профессиональными литературными критиками говорилось во многих источниках [1; 2; 9; 10]. Одной из задач настоящей статьи является новое рассмотрение научных работ, посвященных изучению творчества писателя, в другой обстановке, в условиях государственной независимости, вдалеке от политических установок. К сожалению, до настоящего времени из-за того, что труды англоязычных литературоведов не переводились на русский и кыргызский языки, вопрос о том, как был принят Ч. Айтматов в англоязычной среде, как поняли и оценивают его произведения, для кыргызской общественности, кыргызского литературоведения, остается открытым. В то же время без глубокого анализа творчества Ч. Айтматова в контексте мирового литературного процесса и мирового айтматоведения проблему изучения восприятия творчества Ч. Айтматова на научной основе исследовать невозможно.

Большой вклад в дело широкого знакомства англоязычной публики с Айтматовым сделан одним из канадских ученых Норманом Шнайдемманом. Выросший в семье среднего достатка в Вильнюсе, он говорил на идише, русском и немецком дома, на иврите, литовском и польском в школе. Нацистская оккупация города в июне 1941 г. произошла с неизбежной бойней евреев и образованием двух гетто. Оба его родителя погибли, а его единственная сестра была отправлена в лагерь в Латвии (она и Норман воссоединились в Торонто в 1958 году). В течение двух лет, которые Норман провел в гетто, днями он работал, а ночью помогал в снабжении предметов оружия для вооруженного сопротивления. В сентябре 1943 г., когда гетто должно было быть ликвидировано, он и группа других сопротивляющихся бойцов убежали, пробираясь в лес,

и в конечном итоге присоединились к советской партизанской группе в Белоруссии. Шнайдман всегда занимался спортом и был боксером. Он обучал некоторых советских олимпийцев и помогал пройти переподготовку в спортивной физиологии. В 1957 году, пользуясь польско-советским соглашением о репатриации бывших польских граждан, Норман, его жена Нина и дочь Роуз переехали в Польшу, а затем в Канаду. Здесь Норману пришлось освоить еще один язык. Он начал обучаться в аспирантуре в Университете Торонтского славянского отделения и диссертацию завершил в рекордные сроки. В последующем Шнайдман стал доцентом (1975-1979), профессором славянских языков и литературы (1979-1990), почетным профессором (1990), и. о. директора Центра российских и восточно-европейских исследований (1990). Шнайдман является автором таких работ, как «Литература и идеология в советском образовании» (1973), «Советский путь к Олимпу: теория и практика советской физической культуры» (1978), «Советская литература 1970-х годов: художественное разнообразие и идеологическое соответствие» (1979), «Достоевский и суицид» (1984), «Советская литература 1980-х годов: “Десятилетие перехода”» (1989), «Русская литература 1988-1994: конец эры» (1995), «Литовский Иерусалим: восстание и падение еврейского Вильнюса» (1998) и «Три трагических героя Вильнюсского гетто: Витенберг, Шейнбаум, Генс» (2002).

В монографии, опубликованной в 1979 году, под названием «Советская литература 1970-х годов», а также через десять лет увидевшей свет монографии «Советская литература 1980-х годов: переходное десятилетие» он опять обращается к творчеству Ч. Айтматова. В своей книге «Чингиз Айтматов: миф и реальность» Норман Шнайдман подробно рассказывает о жизни и творчестве Ч. Айтматова. Ученый рассматривал Айтматова как «кыргызского писателя неславянского национального меньшинства» Советского Союза и отмечал, что он обрел славу и успех не только в Советском Союзе, но и на международной литературной арене [3]. Следует сказать, что, поскольку творчество Ч. Айтматова приходится на советский период, западные литературоведы и критики называют его советским или русским писателем. Если брать во внимание этот факт, то следует отметить, что Шнайдман называет его кыргызским писателем.

В своих двух известных статьях Н. Шнайдман обращается к повести «Прощай, Гульсары!». И если в первой статье он о содержании, идее повести говорит немногословно, то во второй статье достаточно подробно раскрывает содержание повести, а затем переходит к разбору сюжетных линий повествования. Шнайдман не отделяет судьбы Танабая и Гульсары друг от друга, рассматривает их как единое целое и, делая попытку раскрыть сущность трагедийности двух образов, отмечает следующее: «Это впечатляющий рассказ о двух существах, иначе говоря, о судьбе человека и коня. Они оба терпят поражение от карьеристов, которые ради собственных интересов готовы погубить других людей, а также от внешних сил, наделенных чувством зависти. Главный герой Танабай всю свою жизнь посвятил делу партии, однако из-за того, что он не поддался нажиму вышестоящих лиц, его исключили из рядов партии. А Гульсары был выдворен из природной среды, и из-за непослушания новому хозяину, разлучившему его с Танабаем, его кастрируют» [8, р. 106].

Как видно, автор ищет причину трагедии судеб Танабая и Гульсары в карьеристах того времени, стоящих у власти. По его мнению, в повести ясно видно, что Танабай состарился раньше времени и что его время прошло. Однако, несмотря на это, Шнайдмана удивляет то, что советские критики делают ударение на то, что Танабай – преданный коммунист и борец за народ.

В своей второй статье, имеющей название: «Советская литература на обочине дорог: противоречивая проза Чингиза Айтматова», Н. Шнайдман детально останавливается на творчестве кыргызского писателя. На этот раз проводится подробный анализ повести «Прощай, Гульсары!». Здесь автор повествует о том, как была воспринята повесть в кыргызской литературной среде, о причине написания произведения на русском языке, о взглядах авторитетов среди кыргызских литературных кругов на данный факт.

Причину успеха Айтматова в Советском Союзе Шнайдман объясняет тем, что писатель «раскрыл на местном материале универсальные проблемы, а также советскую правду, имеющую отношение ко многим советским нациям» [Ibidem, p. 112]. По мнению автора, Айтматов, поднимая в своих произведениях глобальные проблемы, отражая их с большим мастерством, тем самым привлек к ним интерес читателей. В то же время Шнайдман популярность писателя в Советском Союзе объясняет и тем, что писатель начал создавать свои произведения на русском языке и что все его произведения переведены на русский язык. Он замечает: «Это говорит не о том, что кыргызский читатель еще не достиг уровня оценки искусства Айтматова, но ведь, если кто-то захочет встретиться с советскими читателями, чтобы обменяться мнениями, факт, что этого можно достичь только общаясь на русском языке» [Ibidem, p. 116]. Хотя подобные взгляды встречались в 1980 годы, об этом вслух не произносилось, и понятно, что и на бумаге это не упоминалось. Поэтому следует признать, что данное замечание Шнайдмана является ценным.

Монография Нормана Шнайдмана «Советская литература 1980-х годов: переходное десятилетие» была опубликована в 1989 году [Ibidem]. В этой книге, написанной с целью осветить влияние политических и социальных изменений на развитие советской литературы и культуры на протяжении последнего десятилетия (1978-1988), главу «Инновация и эксперимент» автор посвящает глубокому исследованию двух романов писателя: «И дольше века длится день» и «Плаха».

Исследователь считает, что перевод произведений Айтматова на десятки языков, популярность писателя во всем мире – это не простая случайность. «Во-первых, – говорит он, – Айтматов – сформировавшийся и состоявшийся мастер. Его проза экспрессивна и богата поэтическими элементами. Его конфликты обострены, а темы выходят за пределы местных границ и вбирают в себя этические проблемы мирового

масштаба. Во-вторых, факт принадлежности его слова к кыргызско-тюрко-мусульманским основам способствовал созданию благоприятных условий для восприятия его произведений читателями стран Ислама и Третьего мира. В-третьих, его проза отражает в себе в официальном порядке идеологическое единообразие, провозглашенное в Советском Союзе, и единство лингвистического и культурного многообразия» [Ibidem, p. 155].

Исследователь отмечает, что, несмотря на то, что писатель в 80-е годы находился в традиционных рамках ранней прозы, он переходит к крупному жанру – роману, и что если в предыдущих произведениях события происходили на кыргызской земле, то теперь, в повести «Пегий пес, бегущий краем моря» они разворачиваются на северных берегах Охотского моря; в романе «И дольше века длится день» – в землях Казахстана; в «Плахе» главный герой является русским человеком, что основная тема произведения имеет свои особенности – здесь проводится параллель между христианской религиозной этикой и советской этикой.

«Айтматов – писатель, остро воспринимающий требования времени» [Ibidem, p. 195], – пишет Шнайджман. Действительно, оба романа написаны на злобу дня. По мнению Шнайджмана, если в последние времена власти Брежнева он создал образ положительного героя Едигея, соответствующего старым традициям соцреализма, то в 1986 году при открытой политике Горбачева он создал роман «Плаха».

Шнайджман выделяет несколько аллегорических параллелей в романе:

- поезд, идущий с Востока на Запад и с Запада на Восток, является символом вечного движения, связи всего сущего друг с другом в этом постепенно уменьшающемся мире, их взаимозависимости;
- схожесть звучания слова «жуань жуань» со словами в китайском языке искусно указывает на связи СССР с Китаем;
- легенда о Раймалы-Ага напоминает о том, как за «неверные» политические и идеологические взгляды заключали в психиатрические больницы.

Когда роман Айтматова «И дольше века длится день» еще не дошел до читателя, Шнайджман опубликовал свое суждение о романе, и это не вызывает сомнения в том, что этим он хотел, чтобы роман оказал на читателя свое воздействие. Искусство воспринимается разными людьми по-разному, и нет надобности объяснять это. Поэтому Шнайджман считал, что вводное слово к произведению должно рассматриваться как идеологический документ, а к роману, написанному таким мастером высокого уровня, как Айтматов, вовсе не требуется предисловия; произведение само ответит за себя [Ibidem, p. 202]. Ученый вводит названное произведение в разряд «самых значительных произведений, созданных в период перед приходом Горбачева к власти» [Ibidem, p. 236]. Мало того, его мнение о романе Айтматова не помешало поставить это произведение во главу списка «самых значительных произведений» перед романами Ю. Трифонова «Время и место» и В. Быкова «Знак беды» [Ibidem, p. 236].

Роман писателя «Плаха» Н. Шнайджман оценивает как «творческий комментарий, отразивший социальные недуги советского общества, в виде реформ Горбачева» [Ibidem]. Ученый проводит параллель романа «Плаха» с романами М. Булгакова «Мастер и Маргарита», Ф. Достоевского «Идиот» и «Братья Карамазовы»: как и в известном романе М. Булгакова здесь с мастерством передан диалог Иисуса с Понтием Пилатом; Авдий, как и князь Мышкин, надеется исправить мир; инициалы Авдия Каллистратова и Алеши Карамазова одинаковы.

Шнайджмана поражает то, что до романа «Плаха» в произведениях Ч. Айтматова не изображались хищные звери и что мир животных не противостоит миру людей, а находится с ним в тесной связи. Волки в романе – «семья, в которой высоко развиты чувства долга и ответственности», а люди – это «чужие, которые обречены на ответственное одиночество только из-за своего раздутого эго» [Ibidem, p. 205].

Отмечая важность значения романа в социальном и политическом плане, ученый в то же время называет ряд его недостатков. К примеру, если между волками и судьбами Бостона и Базарбая существует тесная связь, то отношение Авдия к истории волков «весьма тонко»; нет логических обобщений относительно судеб героев романа во главе с Авдием; образ Инги введен «лишь с целью развития сюжета» [Ibidem, p. 248]; введение сюжетных линий с малочисленными внутренними связями привело к стилистической усложненности. По мнению ученого, если некоторые эпизоды писались ради украшательства прозы, то другие, особенно те, которые заключали в себе философские и религиозные диалоги, написаны сухим публицистическим языком.

Шнайджман считает: «Айтматов – моралист», и это качество больше, чем в предыдущих произведениях, проявилось в «Плахе» [Ibidem, p. 251]. В качестве подтверждения данной мысли он приводит примеры из текста, написанные в дидактическом духе.

Для Шнайджмана данный роман – это не призыв обратиться к религии, а творческая позиция относительно вопроса о замене веры социальными идеалами. Вместе с тем он высказывает мнение, что данный роман не смог подняться до высоты художественного уровня повестей «Прощай, Гульсары!» и «Белый пароход».

Научное исследование процессов развития и изменений в советской литературе Н. Шнайджман продолжает в следующей монографии: «Русская литература, 1988-1994. Конец эры» [7]. В этом труде ученый ведет речь о дополнительной главе «Белое облако Чингиз-хана» к роману «И дольше века длится день»; об изменениях в повести «Лицом к лицу» некоторые отрывки из ее текста публиковались в периодической печати (один из них – в газете «Правда» 12 декабря 1988 года, в печати есть его перевод на английском языке); о произведении «Богоматерь в снегах»; о незаконченной к тому времени повести «Убий-не убий»; об автобиографическом очерке «Встреча», опубликованном в 1992 году. Как и большинство американских литературных критиков, Шнайджман оценивает «Белое облако Чингиз-хана» как зеркало деспотизма сталинского правления.

Также легенду о белом облаке Чингиз-хана можно рассматривать как «конфликт между творческим человеком и властью» [Ibidem, p. 35], поскольку Догуланг – мастерица, знамена, вышитые ее руками, сопровождают войско Чингиз-хана, разносят славу о нем. Однако с гибелью Догуланг забывается ее имя, а знамена продолжают нести свою службу в орде Чингиз-хана. Это явление ясно отражает сущность сталинизма и обстановку в Советском Союзе, считает Шнайндман: «На протяжении многих лет образцы классического искусства, созданные в XIX и начале XX веков, интерпретировались и манипулировались противоположно тому, что хотели сказать их создатели» [Ibidem, p. 64]. Изображение жизни и деятельности советских офицеров безопасности, допросы и пытки, которые они проводили над Абуталипом, Шнайндман расценивает как новое высокое достижение и говорит о том, что «до перестройки советский бюрократ Айтматов не осмелился бы обращаться к таким особо чувствительным советским проблемам» [Ibidem, p. 65].

Далее Шнайндман ограничивается лишь небольшим пересказом повести «Убий-не убий» и автобиографического очерка «Встреча», затем дает кратко, но впечатляюще свою оценку опубликованным отрывкам из романов «Богоматерь в снегах» и «Бахиана».

Свои рассуждения о творчестве писателя в переходный период истории страны Н. Шнайндман завершает следующим образом: «Судьба Айтматова хорошо отражает тяжелое положение многих писателей старшего поколения того времени: он с чистым сердцем служил старой системе (даже если иногда яростно критиковал политику системы), в соответствии со службой получал награды от правительства. Позднее понимание того, что он служил мнимому идолу, что зря проходила его жизнь, оказало на его творчество негативное влияние, парализующее воздействие на него» [Ibidem, p. 67]. Вопрос о том, Айтматов русский писатель или кыргызский, Шнайндман считает риторическим, поскольку прозаик внес огромный вклад в обе литературы. По глубокому убеждению Шнайндмана, Айтматов своими захватывающими сюжетами, наличием драматургического мастерства и умением связывать миф и реальность повседневной советской жизни останется в памяти всех российских ценителей качественной литературы.

Список источников

1. **Avin C. J.** The Failure of Perestroika in Aitmatov's "The Executioner's Block". Chicago: Butterworth-Heinemann, 1988.
2. **Clark K.** The Mutability of the Canon: Socialist Realism and Chingiz Aitmatov's "I dol'she veka dlitsia den". Urbana: Slavic Review Press, 1984.
3. **Shneidman N.** Chingiz Aitmatov: Myth and Reality. Toronto: University of Toronto Press, 1979. 128 p.
4. **Shneidman N.** Chingiz Aitmatov: Soviet Literature in 1970s: Artistic Diversity and Ideological Conformity. Toronto – Buffalo: University of Toronto Press, 1982. 254 p.
5. **Shneidman N.** Chingiz Aitmatov. Toronto: University of Toronto Press, 1979.
6. **Shneidman N.** Decade of Transition. Toronto: University of Toronto Press, 1989. 323 p.
7. **Shneidman N.** Russian Literature, 1988-1994. The End of an Era. Toronto: University of Toronto Press, 1995. 258 p.
8. **Shneidman N.** Soviet Literature in the 1980's. Toronto: University of Toronto Press, 1989. 284 p.
9. **Soucek S.** National Color and Bilingualism in the Work of Chingiz Aitmatov // Journal of Turkish Studies. Wisconsin, 1983. Vol. 5. P. 70-98.
10. **Woodward J.** Chingiz Aitmatov's Second Novel. Michigan: Slavonic and East European Press, 1991. Vol. 7.

CH. AITMATOV'S CREATIVITY IN N. SHNEIDMAN'S ASSESSMENT

Duishembieva Azhar Nurdinovna

*National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek
Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek
ajarnurdin@gmail.com*

The subject of the author's attention is the works of the Canadian literary critic N. Shneidman devoted to Chingiz Aitmatov's creativity – two articles and two monographs, in which the researcher presented his scientific judgments about the story "Farewell, Gulsary!", the novels "The Day Lasts More Than a Hundred Years", "The Scaffold", as well as the writer's unfinished works. Shneidman's papers, analyzed in the article, have not been previously studied. While some opinions expressed in the researcher's works are more or less similar to the views of Soviet and, later, Kyrgyz critics, some of them are significantly different. According to Shneidman, the reason for Ch. Aitmatov's success in the Soviet Union can be explained by the fact that the writer uncovered universal problems, as well as Soviet truth, which was relevant to many Soviet nations, on the local material.

Key words and phrases: Ch. Aitmatov; N. Schneidman; Soviet literature; myth; reality; reception.